

лиризация (учитывая, что проза Андреева была лироэпической).

Таким образом «Черные маски» представляют собой оригинальную разновидность «новой драмы», в которой внешний конфликт и действие были выведены за сцену, а доминирующую роль играли внутренний конфликт и подтекст, находящий реализацию в неомифологической сюжетной линии. Исторический же ракурс осмысления картины мира и человека, характерный для обобщенно-символистских пьес писателя, в рассматриваемой драме сменяется экзистенциальным. Андреев предпринял попытку

исследования психологической составляющей процессов, происходящих в душе и сознании человека, предвосхищая, тем самым, появление на свет теории «панпсихизма» и театра «панпсихе». Перенос акцентов с бытия Человека на сферу его сознания видоизменил драматургическую поэтику, сохранив, однако, основные параметры и конфигурацию все той же андреевской жанровой модели с ее тяготением к интертекстуальности и автоинтертекстуальности, определенному кругу взаимодействующих мотивов и лейтмотивов, неомифологизму, иронии и гротеску, лежащих в основе как текста, так и паратекста его пьесы.

Литература

1. Андреев Л. Н. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1. Рассказы, 1898–1903 / Леонид Андреев ; [ред. кол. И. Г. Андреева, Ю. Н. Верченко, В. Н. Чуваков]. – М. : Худож. лит., 1990. – 639 с.
2. Андреев Л. Н. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3. Рассказы. Пьесы, 1908–1910 / Леонид Андреев ; [ред. кол. И. Г. Андреева, Ю. Н. Верченко, В. Н. Чуваков]. – М. : Худож. лит., 1994. – 655 с.
3. Богданов А. В. Между стеной и бездной : Леонид Андреев и его творчество / А. В. Богданов // Собрание сочинений : в 6 т. / Л. Н. Андреев. – М., 1990. – Т. 1. – С. 5–40.
4. Московкина И. И. Между «pro» и «contra»: координаты художественного мира Леонида Андреева / И. И. Московкина. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2005. – 287 с.
5. Сухоруков В. А. Поэтика драматургии Л. Андреева : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.02 «Русская литература» / Виктор Анатольевич Сухоруков. – Харьков, 2013. – 19 с.

УДК 821.161.1–3 Куприн.09

Н. Ф. Соценко

Харьковский национальный экономический университет имени Семёна Кузнеця

Несобранные циклы А. И. Куприна: пасхальный цикл

Соценко Н.Ф. Незібрані цикли О. І. Купріна: пасхальний цикл. У даній статті розглядається вторинний (читацький) цикл, який складається із десяти оповідань, написаних О. І. Купріним протягом тридцяти трьох років. В межах даного пасхального циклу, який демонструє творчий експеримент автора, спрямований на оновлення жанру, з'ясовуються, простежуються і називаються засоби зв'язку між окремими творами, які дозволяють вважати їх циклом. В статті зазначається, що в межах пасхального циклу, утворюються міні-цикли і відзначається автоінтертекстуальність як особливість циклізації творів Купріна.

Ключові слова: цикл, циклізація, автоінтертекст, мотив.

Соценко Н.Ф. Несобранные циклы А. И. Куприна: пасхальный цикл. В статье рассматривается вторичный (читательский) цикл, состоящий из десяти рассказов, написанных Куприным в течение тридцати трёх лет. В рамках данного пасхального цикла, свидетельствующего о жанровом эксперименте автора, устанавливаются, прослеживаются и называются средства связи между произведениями, позволяющие считать их циклом. Отмечается, что внутри цикла образуются мини-циклы и каждое произведение данного цикла способно вступать в интертекстуальные связи с другими произведениями Куприна. Указывается своеобразие циклов Куприна, связанное с основным стилевым приёмом автора – автоинтертекстуальностью.

Ключевые слова: цикл, циклизация, автоинтертекст, мотив.

N.F. Sotsenko. Uncollected cycles of A. I. Kuprin: the Easter cycle. In the article is considered of the secondary (reader's) cycle, consisting of ten stories written by Kuprin within thirty three years. By the context of this Easter cycle testifying to a genre experiment of the author the means of communication and traced between works allowing to consider them a cycle are established. It is noted that in a cycle are formed mini-cycles and each work of this cycle is capable to enter intertextual communications with other works of Kuprin. The originality of cycles of Kuprin connected with the main style reception of the author – an avtointertekstualnost is specified.

Keywords: cycle, cyclization, avtointertext, motive.

О том, что «проблема литературной циклизации стала в современном литературоведении одной из самых актуальных и интересных» писали многие современные исследователи [4; 6; 7; 14 и др.]. О. А. Чехунова в своей статье указывает: «... цикловедение стало одной из приоритетных областей истории и теории литературы..., но объектом пристального внимания исследователей только в последнее десятилетие» [14]. Л. Н. Гареева подытоживает: «... в 1990-е годы заговорили о „цикловедческом“ направлении в литературоведении» [3]. О популярности данной проблемы свидетельствует и библиография, составленная М. Н. Дарвиным [4].

Исследователи отмечали, что в российском и зарубежном литературоведении первоначально изучалась лирическая циклизация [2; 3; 6; и др.]: «Традиция изучения лирической циклизации в отечественном литературоведении насчитывает почти полвека» [7] и указывали причину такого явления.

В «1970 – 1980-е годы, – по мнению Гареевой, – появились фундаментальные исследования, посвящённые русским прозаическим циклам» (Янушкевич А. С., 1971; Лебедев Ю. В., 1979) [3]. Однако, полагает О. Г. Егорова, «циклы прозаических произведений начала XX века изучены ... менее подробно, чем лирические» [6]. Этой же точки зрения придерживается и Л. Е. Ляпина. Е. Ю. Афолина считает, что проблема цикла и циклизации нуждается в обобщённом историко-теоретическом изучении, несмотря на то, что «неполный список работ, посвящённых указанной теме составляет около 200 наименований» [2]. Среди работ, раскрывающих особенности прозаических циклов, следует назвать исследования О. Г. Егоровой (2004), Е. Ю. Афолиной (2005), О. И. Осиповой (2015).

Исследователи высказывают мнение, что явление циклизации является характерной чертой литературы эпохи рубежа XIX – XX веков. В исследовании О. Г. Егоровой высказан ряд тезисов, которые принимаются во внимание в нашей работе: «Рубеж XIX – XX веков был ... периодом появления ... художественных единств нового типа, произошедших от цикла. Писатели разрабатывали новые принципы построения. <...> многие авторы обращались к циклу как ... переходному способу объединения ... в единое

целое» [6]. Аргументируя различные положения своей работы автор несколько раз упоминает имя Куприна в ряду других писателей рубежа XIX – XX веков: «А. Куприн объединяет ранние рассказы в циклы („Миниатюры“, „Листригоны“, „Лазурные берега“). <...> в пятый том собрания сочинений А. Куприна включён цикл „Листригоны“, но это издание, будучи ... единством собранных вместе волей редактора текстов, циклом не является» [6].

В советском литературоведении наиболее полно о циклизации прозы Куприна писал В. Н. Афанасьев: «Очерки цикла „Киевские типы“ интересны тем, что являются как бы эскизами ... к более поздним произведениям писателя» [1:18]. «Он создаёт цикл ... Полесских рассказов» [1: 28]. «... есть ... большая группа ... миниатюр ..., составляющих как бы единый ... цикл» [1: 49]. Отмечает автор, что в творчестве Куприна можно выделить и цикл военных рассказов. О своеобразии неавторских циклов говорится в связи с проблемой автointертекстуальности прозы А. И. Куприна [13]. Актуальность данной статьи заключается в том, что специфика циклизации прозы А. И. Куприна не исследовалась в литературоведении. В данной статье рассматривается один из читательских (термин М. Н. Дарвина) циклов, состоящий из десяти произведений, написанных в разное время на протяжении тридцати трёх лет: «Бонза» (1896), «По заказу» (1901), «Мой паспорт» (1908), «По-семейному» (1910), «Леночка» (1910), «Пасхальные яйца» (1911), «Травка» (1912), «Инна» (1928), «Пасхальные колокола» (1928), «Московская пасха» (1929) и способы связи между ними. Только рассказы «По-семейному» и «Леночка» были написаны одновременно в Одессе в начале апреля 1910 года. На первом есть авторская дата на рукописи – 5 апреля. Рассказы напечатаны 18 апреля, но в разных газетах: «Утро России» и «Одесские новости».

Для удобства мы будем называть все указанные произведения рассказами, хотя они нуждаются в уточнении жанровых дефиниций, так как в них прослеживаются стилистические элементы «житийных рассказов», исповеди, дневника, анекдота, эссе, а также художественные автобиографические фрагменты. Три из них автор сам жанрово идентифицировал, используя подзаголовки: «Пасхальное стихотворение в прозе» («Мой паспорт»), «Рассказ неудачника»

(«Пасхальные яйца»), «Рассказ бездомного человека» («Инна»).

Теоретическим основанием для составления указанного вторичного (термин М. Н. Дарвина) цикла является тезис Л. Е. Ляпиной: «... одна из фундаментальных проблем, открытых литературоведами XX века, – это явление циклизации, т.е. объединение группы самостоятельных произведений в новые многокомпонентные единства – циклы» [12].

Возможно, к группам произведений Куприна применимо и иное определение, данное литературоведами при изучении лирических циклов рубежа XIX – XX веков: «... „жанровое образование” (В. А. Сапогов, Л. К. Долгополов и др.), „вторичное жанровое образование” (И. В. Фоменко), „сверхжанровое единство” (М. Н. Дарвин), „явление незавершенного жанрового генезиса” (К. Г. Исупов) [11], но мы будем использовать термин «цикл».

Учитывая многозначность термина «цикл» и «циклизация» уточним, что в данной статье мы ориентируемся на определение цикла как художественного единства, данное Л. Е. Ляпиной: «... цикл ... представляет собой ряд самостоятельных произведений ..., созданных одним автором и скомпонованных им в определённую последовательность. <...> цикл обнаруживает свою специфику как герменевтическая структура ..., включающая систему связей ... между составляющими его произведениями» [12].

Следует сделать оговорку по поводу второй части данного определения: «скомпонованных» автором. Исследователям ещё предстоит выяснить, кто формировал содержание каждого тома прижизненного издания произведений Куприна. Но семь из десяти произведений были написаны до 1917 года и вошли в Полное собрание сочинений 1912 года, хотя и в разные тома. В 6 томе напечатана поздняя редакция рассказа «Наташка» (1897) с изменённым названием «По-семейному» и изменённым главным мотивом и рассказ «Леночка». В 7 томе помещены также два рассказа – «Бонза» и «Мой паспорт», в 8 томе – «По заказу», «Пасхальные яйца» и «Травка». И эти «авторские» циклы также необходимо исследовать. Очевидно, что не хронологический принцип написания произведений использовался в прижизненном издании.

По мнению А. Г. Кулик, под циклизацией понимается «совокупность способов организации целостного контекста из отдельных текстов или их единиц» [7]. «Принципы циклизации, – пишет исследовательница, – позволяют путём объединения самостоятельных произведений создать целостное художественное единство, при этом все элементы могут функционировать как

самостоятельные произведения, поэтому в циклической форме важна сама связь частей и важны все тексты. Это позволяет рассматривать творческое наследие писателя как единое произведение» [7].

Единство, сформированного нами цикла обнаруживается на многих уровнях путём разнообразных межтекстовых связей, прежде всего, на уровне жанра – все эти произведения относятся к жанру «пасхального рассказа». Жанр «пасхального рассказа» имел свои каноны: «... он учит добру и Христовой любви; он призван напомнить читателю евангельские истины. Его сюжеты – „духовное проникновение”, „нравственное перерождение человека”, восстановление человека» [5], с которыми и экспериментировал (играл) Куприн. Пасхальный цикл Куприна даёт представление о творческой практике писателя, направленной на обновление жанра, связанное с взаимопроникновением и переплетением жанров.

Среди способов, организующих формально самостоятельные произведения в цикл, следует указать единый для всех текстов хронотоп (единство времени и места): «Это было в ночь под светлое Христово воскресенье», «... мы взобрались ... на самый верх Ярославовой горы» / «Мы жили в Москве» «Наступила страстная суббота», «... приближалось время заутрени...» («Бонза») [8: I: 391, 392]; «Идёт светлая заутрени...» «... в глухом заброшенном городишке», «... пасхальный вечер...» «... в громадном доме, ... на чердаке» («По заказу») [8: III: 28, 30, 31]; «Пасха – всегда пасха. <...> Светлый, ликующий праздник...», «За два дня до воскресения Христова», «И вот наступила эта чудесная пасхальная ночь», «Москва. Колокольня. Киев. ... Троицко-Сергиевская лавра. Я жил тогда в Мисхоре» («Мой паспорт») [8: V: 116, 118, 119]; «Я жил тогда в Киеве», «... подошла и пасха с её прекрасной, радостной, великой ночью» («По-семейному») [8: V: 160, 162]; «... к утру страстной субботы установилась ровная, безветренная погода» («Леночка») [8: V: 168]; «Завтра у нас Светлое Воскресение...», «В конце Великого поста ...» («Пасхальные яйца») [8: VIII: 303–304]; «... на страстной неделе» («Травка») [8: V: 284]; «... каждый раз на великую заутрени я ... приходил в ... церковь – Десятинную, самую древнюю в Киеве» («Инна») [8: VII: 299]; «... промчались впечатления Великой ночи...», «все ребяташки Москвы ... знают, что в первые три дня Пасхи разрешается каждому человеку лазить на колокольню...» («Пасхальные колокола») [10]; «Гудит, ... переливается над Москвой ... звон ... её голосистых колоколов» («Московская пасха») [11]. Заметим, что все рассказы впервые напечатаны в апрельских номерах газет, кроме «Бонза» (24 марта). Внутри указанного пасхального цикла

можно сформировать хронотопические мини-циклы, где фигурирует топоним двух городов (Москва: «Бонза», «Мой паспорт», «Пасхальные колокола», «Московская пасха») и (Киев: «Бонза», «Мой паспорт», «По-семейному» «Инна») с разной степенью автоинтертекстуальности. В трёх рассказах («По заказу», «Пасхальные яйца», «Травка») Куприн не указывает место действия, так как доминирующий мотив этих рассказов носит универсальный и онтологический характер.

Время в рассказах цикла формирует двойную проекцию: пасха настоящего вызывает воспоминание о прошлом. В семи из десяти рассказов Куприн изображает две пасхи: нынешнюю и прошлую.

Циклическую природу данного художественного феномена подтверждает и мироощущение героя-рассказчика, интонационный рисунок, вызванный праздничным настроением: «Я сидел, растроганный воспоминаниями тех радостных и наивных ощущений, которые в детстве возбуждал в моей душе этот великий праздник. Мной ... овладела ... грусть ... вроде бессильного сожаления о невозможности ещё раз испытать эти яркие и свежие впечатления» («Бонза») [8: I: 392]; «... я радостно и грустно перебираю воспоминания о моих прежних вёснах. <...> Это была моя последняя пасха, моя последняя весна» («Мой паспорт») [8: V: 116, 119]; «... милые люди, не вошедшие в число особ первых четырёх классов <...> я мысленно обнимаю вас от всего моего сердца в этот весенний день накануне тёплого радостного праздника!» («Мой паспорт») [8: V: 115]; «Жизнь ... ожесточённо колотила нас ..., что, казалось, навеки выбила из нас всякие воспоминания о детстве, ...» («По-семейному») [8: V: 164], «Всё опьяняло в эту прекрасную ночь: радостное пение, множество огней, поцелуи, смех ...» [8: V: 176] «Утром проснулся я, и первое, еще не осознанное впечатление ... огромной радости, которой как будто бы пронизан весь свет: люди, звери, вещи, небо и земля. ... Господи! Как еще велик день впереди, со всеми прелестями каникул и свободы, с невинными чудесами, которые тебя предупредительно ждут на каждом шагу!» («Пасхальные колокола») [10].

Каждый рассказчик и персонаж цикла, так или иначе, демонстрируют своё отношение к празднику Новозаветной пасхи и тем нравственным идеалам, которые с ним связаны, а также к миру в целом, несмотря на то, что речь идёт о конкретном эпизоде, локализованном рамками семьи или единичной судьбы. Цикл мыслей и ощущений рассказчика, выполняющего функцию лирического «Я», объединяет эти произведения, шесть из которых имеют повествовательную форму от первого лица.

Структурообразующую роль играет и

циклический ряд вариаций инвариантного образа праведника и мученика. В каждом рассказе центральный персонаж оказывается в роли жертвы. Образы героев данного цикла Куприна генетически восходят к библейскому образу праведника Иовы, испытываемого дьяволом с позволения бога, байроническому герою и литературным типам XIX века «маленькому человеку» Пушкина, Гоголя и Достоевского и «лишнему человеку». Единственный образ неудачника и мытаря, человека, не заслуженно испытывающего невзгоды и страдания, как бы распадается на персонажи различных текстов. «Доктор ... Субботин был неудачником <...> Несколько лет тому назад у него умерло четверо детей, и ... жена оставила доктора <...> Но несчастья не озлобили и не очерствили его сердца...» («Бонза») [8: I: 391]; «... как будто чья-то невидимая рука нежно и заботливо стёрла с его души всю накопившуюся на ней копоть ненависти, зависти, раздражённого самолюбия, пресыщения и скуки. <...> длинная история незаглушенных обид, жестокой борьбы за успех и медленного нравственного окостенения <...> отчего распался ... их душевный мир, превратясь в пустое загрязнённое место? <...> со смертью ребёнка исчезла ... связь, которая единила их сердца» («По заказу») [8: III: 30]; «Я знал его прежнюю жизнь ... слегка... тяжёлая женитьба на распутной бабёнке, растрата казённых денег, стрельба из револьвера в любовника жены, тоска по детям, ушедшим к матери ...» [8: V: 165]. «... мы ... представляли... странное и редкое зрелище: четверо мужчин, в конце изжёванных и изглоданных неудачной жизнью, и ... немолодая русская проститутка» [8: V: 163]. («По-семейному»); «... есть и несчастные, жалкие, позорные, смешные и презренные пасынки жизни, которых судьба ... стучает и стучает по голове ... Из этих париев я – номер первый...» («Пасхальные яйца») [9: VIII: 302]. В шести рассказах из десяти, воссоздавая историю судьбы своих персонажей, Куприн трансформирует «мученический» жизненный путь героев «житийных рассказов», оставляя ключевой жанровый признак: испытание духовной силы героев. Создаётся впечатление, что цикл воссоздаёт разные периоды жизни человека, герой показан мальчиком, пережившим первую несправедливость, юношей, прочувствовавшим романтическую любовь и потерявшим её, молодым мужем, зрелым мужчиной.

Известно, что инвариант (архетип) порождает огромное количество образных вариантов. Варьируя инвариант образа праведника, Куприн, вероятно, обращается к женской его ипостаси – евангельскому образу Марии Магдалины. Священное предание повествует, что Мария из Магдалы была молода, красива и вела грешную жизнь. Но с момента исцеления Христом начала

праведную жизнь и была самой истовой проповедницей учения Господа и его Воскресения. Мария Магдалина первой возвестила апостолов о Воскресении Христа, с её именем связывают традицию дарить пасхальные яйца в день Светлого Христова Воскресения, так как она принесла императору Тиверию красное яйцо как символ Воскресения и новой жизни со словами: «Христос воскрес». Этот евангельский сюжет в сочетании с выражением о том, что один, раскаявшийся грешник богу дороже ста праведников, которое восходит к притче о блудном сыне и об истреблении города грешников Содомы, Куприн, очевидно, использовал интертекстуально в рассказе «По-семейному»: «У неё было самое заурядное ... лицо русской проститутки ... <...> Но её улыбка ... вдруг на мгновение делала лицо Зои прелестным» [8: V: 163].

Выстраивается и система повторяющихся мотивов, связующих между собой произведения, написанные с разницей в десятилетия. Мотивный инвариант цикла – это испытание, свидетельствующее о жизни или смерти души, которое успешно или неуспешно проходят персонажи в пасхальную ночь, образуя оппозиционные группы. Повествование всех рассказов сосредоточено вокруг мотива восприятия праздника пасхи, поэтому во всех рассказах с разной степенью полноты представлен набор сюжетных элементов (мотивов), связанных с Новозаветной пасхой: пасхальная ночь и утро; церковная служба и пение; лица людей в церкви; праздничный стол; детское или юношеское восприятие праздника пасхи и мира; пробудившееся воображение; взгляд на город с высоты; звон пасхальных колоколов; слёзы; воспоминания о прежних пасхах. Все вышеназванные мотивы перечислены самим автором в первом абзаце рассказа «Пасхальные колокола» [10].

В цикле обнаруживается подвижная иерархия мотивов: центральный в одном рассказе, он становится периферийным в другом. Внешний вид структуры данного цикла, ассоциируется с моделью молекулы сахарозы, как, впрочем, и других циклов Куприна. Циклообразующим первоэлементом мотива может стать даже слово, например: «история» («незатейливая» «Бонза», «длинная» «По заказу», «старая, скучная» «Травка», «подлейшая» «Инна»).

Мотивная связь позволяет установить и единую сюжетную схему цикла: воспоминания на страстной неделе или в пасхальную ночь.

В пасхальном цикле прослеживается основной стилиевой приём Куприна создания текстов из

цитат, в данном случае своих. Взаимодействие текстов осуществляется на уровне автоинтертекста посредством прямого цитирования, а также лексического и интонационного варьирования: «Я обернулся назад и увидел множество светлых и добрых лиц и много глаз, которые блестели, отражая пламя свеч» («Бонза») [8: I: 395]; «ему ... нет времени обернуться на толпу, которая ... представляется ему как бесчисленное множество ... радостных, светлых лиц» («По заказу») [8: III: 29]; «Лицо её, близко освещаемое свечой, сделалось белым и нежным, глаза потемнели и сверкали ... и зубы красиво блестели, когда она улыбалась» («Бонза») [8: I: 395]; «Красота женских лиц, освещаемых снизу живым огнём свечи, – этот блеск зубов и прелесть улыбающихся губ, и яркие блики в глазах, и тоненькие пальчики, изгибающиеся расплавленный воск в смешные завитушки» («Мой паспорт») [8: V: 116–117]; «Ах, красота женских лиц, освещаемых снизу живым огнём, этот блеск белых зубов и прелесть улыбающихся нежных губ, и яркие острые блики в глазах, и тонкие пальчики, делающие восковые катышки» («Инна») [8: VII: 298].

Композиционное единообразие рассказов также позволяет считать эти произведения циклом. Автор использует приём ретроспекции, который реализуется в композиции, называемой «рассказ в рассказе», широко известный в мировой литературе и снова введённый в моду модернистами, дающий возможность усложнять нарративное построение. Рассказы «Бонза» и «Травка» имеют рамочную композицию. Рассказы, в которых повествование ведётся от первого лица («Мой паспорт», «По-семейному», «Пасхальные яйца», «Травка», «Инна») и от третьего («По заказу», «Леночка»), имеют своеобразный пролог и осложнённую систему повествования.

В заключении уточним, что циклы Куприна носят фрактальный и мотивный характер. Мотивом может быть любая единица текста, включая слово, поэтому каждое произведение цикла обладает большой способностью к соединению с другими произведениями писателя. Начало циклу даёт первое произведение в хронологической цепи. В качестве связующего элемента цикла могут выступать жанр, тема, мотив, единство проблематики и общность сюжетных конфликтов, образно-стилистическое решение и интонационный рисунок текста.

Таким образом, несмотря на то, что указанный пасхальный цикл является вторичным, единство текстов позволяет представить степень участия Куприна в общем процессе циклизации в литературе рубежа XIX – XX веков.

Литература

1. Афанасьев В. Н. Александр Иванович Куприн: критико-биографический очерк / В. Афанасьев. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Худож. лит., 1972. — 172 [3].
2. Афонина Е. Ю. Поэтика авторского прозаического цикла [Электронный ресурс] / Е. Ю. Афонина. — Тверь, 2005, — 166 с. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/poetika-avtorskogo-prozaicheskogo-tsikla>. — Название с экрана.
3. Гареева Л. Н. Вопросы теории цикла (лирического и прозаического) // «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева: Вопросы поэтики [Электронный ресурс] / Л. Н. Гареева. — Режим доступа: http://www.zhelytydom.narod.ru/literature/txt/cikl_gareeva. — Название с экрана.
4. Дарвин М. Н. Библиография по теме «Художественная циклизация литературных произведений» [Электронный ресурс] / М. Н. Дарвин. — Режим доступа: http://www.nsu.ru/education/virtual/darvin_biblio_cycles.htm. — Название с экрана.
5. Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы. [Электронный ресурс] / В. Н. Захаров. — Режим доступа: www.portal-slovo.ru. — Название с экрана.
6. Егорова О. Г. Проблема циклизации в русской прозе первой половины XX века [Электронный ресурс] / О. Г. Егорова. — Астрахань, 2004. — 529 с. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/problema-tsiklizatsii-v-russkoi-proze-pervoi-pолоviny-xx-veka>. — Название с экрана.
7. Кулик А. Г. Лирическая циклизация как особый тип текстопостроения: на материале третьего тома «Лирической трилогии» А. Блока [Электронный ресурс] / А. Г. Кулик. — Режим доступа: <http://library.cie.ru/file.php/e9fa91aced94c864e4186c89e74dc0ba.pdf?load=true>. — Название с экрана.
8. Куприн А. И. Собрание сочинений : в 9 т. / А. И. Куприн ; [под наблюдением Э. М. Ротштейна и П. Л. Вячеславова; примеч. И. П. Питляра [и др.]; вступ. ст. К. Чуковского]. — М. : Правда, 1964. — 9 т.
Т. 1: Произведения 1889 — 1896. — С. 391 — 400.
Т. 3: Произведения 1901 — 1905. — С. 23 — 34.
Т. 5: Произведения 1908 — 1913. — С. 115 — 120; 160 — 167; 283 — 289.
Т. 7: Произведения 1917 — 1929. — С. 298 — 303.
9. Куприн А. И. Полное собрание сочинений: В 9 т. / А. И. Куприн ; [приложение к журналу «Нива» на 1912]. — Т. 8. — СПб., 1912. — С. 302—305.
10. Куприн А. И. Пасхальные колокола // Пасхальные рассказы [Электронный ресурс] / А. И. Куприн. — Режим доступа: <https://books.google.com.ua/books>.
11. Куприн А. И. Московская пасха // Звезда Соломона: собрание произведений 1917–1929 годов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://books.google.com.ua/books?id>
12. Ляпина Л. Е. Жанровая специфика литературного цикла как проблема исторической поэтики [Электронный ресурс] / Л. Е. Ляпина. — Режим доступа: <http://philolog.petrsu.ru/filolog/konf/1990/03lyapina.htm>. — Название с экрана.
13. Соценко Н. Ф. Интертекстуальность прозы А. И. Куприна 1890—1900-годов : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.02 / Соценко Н. Ф. — Харьков, 2008. — 210 с.
14. Чехунова О. А. Циклизация как способ отражения мировосприятия поэта: эмигрантские поэтические циклы Георгия Иванова [Электронный ресурс] / О. А. Чехунова. — Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — № 3. — 2011. — С. 207 – 212. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/>. — Название с экрана.